

О малых сих и Царствии Небесном

1. В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном?
2. Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них
3. и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное;
4. итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном;
5. и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает;
6. а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.
7. Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.
8. Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный;
9. и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную.
10. Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного.
11. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее. ➔

«Библия — это такая книга, что, если бы мы могли прочитывать ее ежедневно целиком, то каждый день мы бы читали несколько иную книгу. Однако дело не в ней, дело в нас: читая Писание, мы немного меняемся, так что точнее было бы сказать, что в таком случае Книгу книг ежедневно читал бы другой человек» — этими словами Марина Андреевна Журинская (1941–2013) предваряла рубрику, которую многие месяцы вела на нашем сайте и в которой старалась сама и призывала нас вновь перечитать Евангелие — перечитать медленно, вдумываясь в каждую фразу Христа и сопрягая ее с собственной мыслью и жизнью. В этом номере мы продолжаем публикацию колонок Марины Андреевны о Евангелиях.

Пусть дети идут ко Мне.
Карл Блох. Середина XIX в.

Наступает черед учению о том, как верно жить в этом мире и как относиться к людям, причем и близким по духу, и не очень. Вот вопрос вопросов в иерархически устроенном обществе (а сильно ошибаются те, кто думает, что бывает общество без иерархии): вопрос о главенстве.

Причем место в земной иерархии как-то мало волнует учеников, потому что про это они уже нечто важное понимают, чем и отличаются в лучшую сторону от многих и многих наших современников. Но вот проблема: как будут обстоять с этим дела в Царстве Небесном? Очень ведь хочется выяснить; и дело не только в том, чтобы заранее узнать, какие почести тебе «причисляются», — а вопрос «что мне за это будет» имеет двойную перспективу, — но и в том, чтобы таким нехитрым способом попытаться уяснить, насколько обитание в Царстве отличается от временного пребывания здесь, на земле. И нужно отметить, что Спаситель вовсе не считает этот интерес праздным, напротив, желая, чтобы Его слова были предельно ясны, он прибегает к тому, что можно назвать наглядным обуче-

нием: подзывает ребенка и ставит его в круг апостолов. Только представьте себе эту картину! После чего следуют слова:

Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном...

Ну вот, про детей. Думаю, что сильно ошибаются те, кто утверждает, что «как дети» — это значит в бессловесном невежестве. Эти люди просто не знают детей. И знать не хотят. Для них дети — это те, которыми легко манипулировать. Об этом будет сказано ниже, а сейчас немного в предварение.

Дети действительно немного знают, но хотят знать больше. Детская способность к познанию поражает. С недостижимой для взрослых скоростью дети учат язык, причем науке непонятно, как же они это делают. С такой же интенсивностью они мыслят о мире, старательно делают умозаключения (пусть неправильные, но уже дело взрослых эти суждения подкорректировать). И еще: дети любят не за что-то, а просто так, и это прекрасно отражено в старом анекдоте:

— Мама, ты меня любишь?

— Когда ты хороший мальчик, люблю, а когда плохой, нет.

— (вздыхая) А я тебя всегда люблю.

Дети обидчивы, потому что чистая душа не готова сталкиваться со злом мира. И обидеть ребенка можно на всю жизнь. ➔

12. Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?
13. и если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся.
14. Та́к, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих.
15. Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего;
16. если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово;
17. если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мыта́рь.
18. Истинно говорю вам: что́ вы свяжете на земле, то́ будет связано на небе; и что́ разрешите на земле, то́ будет разрешено на небе.
19. Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного,
20. ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.
21. Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?
22. Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз.
23. Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими;
24. когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов;
25. а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и всё, что он имел, и заплатить;
26. тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и всё тебе заплачу.
27. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему.
28. Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что́ должен.
29. Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и всё отдам тебе.
30. Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. ➔

А еще дети (нормальные дети, не испорченные) никого не подозревают во лжи и подлости; их умаление — это чистая и ясная картина мира, в которой дьяволу просто нет места.

Но вот и продолжение: *...кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.*

Принимать дитя во имя Божие — вовсе не означает только усыновление; принять ребенка можно и в свою душу, поделившись с ним любовью, знанием, добротой и — в меру его понимания — духовным опытом, точнее — его результатами. И здесь, наверное, не стоит задавать верхнюю планку возраста такого «малого сего». Просто нельзя допускать, чтобы в мире иссякло подлинно доброе отношение между поколениями.

А вот про соблазн малых сих, верующих во Христа, нужно, как представляется, говорить особо.

При слове соблазнение большинство носителей русского языка представляет себе инцидент полового характера. Достаточно много и тех, кто назовет этим словом процедуру, в ходе которой человека отвращают от истинной веры. Это, безусловно, правильное понимание. Но не полное.

Сейчас очень распространено (и очень старательно распространяется) убеждение, выражаемое словами «а пусть знают». Впервые я с этим встретилась без малого полвека назад, когда вынуждена была наблюдать бракоразводный процесс: разводящаяся жена выливалась на голову мужа многолетние обиды. Он же, опустив голову, говорил только: «А ребенка-то зачем привела?», на что был ответ: «А пусть знает, какой у него отец!»

Тезис сомнительный, потому что по определению Фомы Аквинского смертный грех — это то, что может убить душу ребенка. Оно нам надо? А ведь есть и такие мерзости, от которых и душе взрослого не поздоровится.

Конечно, любители крайностей радостно обвинят меня в том, что я против гласности, прозрачности, информированности и т. д. Вовсе нет; есть вещи, о которых и дети, и взрослые, к сожалению, должны знать, — для профилактики. Но сообщать о них следует только тогда, когда это действительно актуально, осторожно и бережно, тщательно подбирая слова, а главное — с добром в душе и обязательно с упованием на милость Божию. А соблазнительные вещи сообщают со смакованием, со злом в душе и с желанием причинить зло. Из злой сокровищницы выносятся злое. То есть служа злу, если коротко.

Именно поэтому *горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.* И не потому горе, что вот мы все сейчас навалимся на него всей мощью добродетели и сотрем с лица земли, а потому что он встал на путь гибели.

Более того, последующие слова Христа свидетельствуют о том, что возможен, так

**Притча
о потерянной
овце.**
Неизвестный
художник

сказать, предельный случай, когда человек сам соблазняет себя: *Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную.* Вряд ли следует толковать эти слова буквально; недаром Церковь признает самокалечение грехом, и отрубаящий

Если посмотреть очами Божиими на тех, кого так привычно гнать, бить и желать им смерти, — как неловко-то получается. Стыдно и нехорошо.

себе палец затворник мог возникнуть разве что в бурном воображении Льва Толстого, которому христианство было достаточно чуждым. Скорее речь о том, что человеку следует бескомпромиссно отвергать идеи, привычки, стремления и вещи, которые способны разлучить его с Богом.

И вот здесь — при том, что, как говорится, все «за», — масса затруднений, касающихся выбора того, от чего следует отказаться. Многие и многие не слишком отличаются от

пожилой экономки у Гончарова, которая дала обет сходить в Киев на богомолье, если барыня выздоровеет. А та возьми и выздоровей. Вот богомолица идет к бабушке и объясняет ему, что пешком она ходить совсем не может, тем более в такую даль. А тот резонно отвечает, что данный обет нужно либо выполнить, либо заместить другим. Страдалица предлагает дать обет воздержания от мяса. — «А много ли ты его ешь?». — «Да уж сколько лет в рот не беру». — «Так разве это обет? Ты вот дай обет кофе не пить». — «Так я ж без кофе не могу...»

Считается, что можно отказаться от своего творчества и от общения к мировой культуре — но не от собственной лени. От рассудительности — но не от предрассудков, принимаемых по незнанию за «священные» традиции. От общения с «недостаточно духовными» людьми — но не от сварливости. Все это складывается в неутешительную картину: отказываемся от Божьих даров, сохраняя собственные грехи. Да еще и жалуемся, чего это нас никто не любит, считая священным и неотъемлемым свое право никого не любить. Отсюда и множество разочарований в духовной жизни, потому что душу не обманешь: невзирая на затрачиваемые усилия она предощущает надвигающуюся опасность...

Один из тяжелых симптомов недолжного — высокомерие, которое может возникнуть практически у любого человека, потому что он, одержимый гордыней, всегда найдет кого считать ниже себя. И вот что об этом:

Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее. Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих.

Заметим, что значение первой фразы многократно усиливается тем, что, как мы частенько слышим и читаем, «Бога человекам невозможно видеть, на Негоже не смеют чины Ангельские взирати». А вот Ангелы малых сих — смеют. И это важно, потому что всю благодать, почерпнутую в этом созерцании, изливают на этих «малых».

И совершенно неожиданно для привычного восприятия к «малым сим», то есть хрупким и кротким созданиям, более всего напоминающим детей, причисляются и погибшие. А что? Для Бога они — заблудившиеся дети и могут пропасть, а Он этого не хочет. Нет на то Его воли. Так что, если посмотреть очами Божиими на тех, кого так привычно поносить, проклинать, гнать, бить и желать им смерти, — ой-ой-ой, как неловко-то получается. Стыдно и нехорошо.

Здесь просматривается мотив притчи о милосердном самарянине: кто мой

*Притча
о немилосердном должнике.
Доменико Фетти.
Ок. 1620*

ближний? — а тот, кто нуждается в твоей помощи. Только не нужно опять-таки передергивать и рассуждать на тему, что всякому профессиональному попрошайке не надеешься, что протяни палец — руку откусят и т. д. На то нам и разум дан, и трезвость суждения. Действительно невозможно и вредно всегда удовлетворять всякие просьбы. Помню, как мне деликатно намекнули, что нужно помочь «бедной девушке», которая много лет выдавала себя за излечившуюся наркоманку и получала с этого свой профит, а сама употребляла наркотики. И вот это дело всплыло, и ее гневно выгнали, и специалист, которого она все это время обманывала, от нее отказался (хорош специалист, между прочим!), а у нее ломка, денег нет и диплом нужно защищать. Спрашиваю, по какой специальности. Ответ: школьный социальный работник. Говорю: «Вы что, не понимаете, что к школе ее и в качестве уборщицы подпускать нельзя?». — «Ах да», — говорят мне неохотно. Единственное, что ей на самом деле нужно, — это действенная помощь в крайне суровой программе отказа от наркотиков (и не говорите про добровольность; здесь нужно разве что ее понимание необходимости этой самой суровости). А насчет ломки и диплома — извините. Но если мы не можем по-христиански рассудить, в чем человек нуждается (не попустительски, не ханжески, не лицемерно...), то лучше бы нам заняться собой.

А тем временем в словах Христа — снова, как это было чуть выше, поворот к сугубо личному: *Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь.*

Ох, как с этим все на самом деле не просто. Для начала — «согрешит ... против тебя», а вовсе не нарушает, по твоему мнению, каких-то правил и обычаев. И здесь у нас очень здорово напутано: считается, что если именно против тебя лично, то нужно «смиряться», а вот если против... чего угодно другого, то следует тебе восстать и ополчиться. При этом критерий просто исчезает; ведь ты можешь в этом случае и ошибаться... А ведь сколько приходится сталкиваться с пламенными свидетелями-обличителями, которые просто несколько не в курсе дела! Потому что им сказали, что они затронуты, вот они и «затронутись».

В 1930-х гг. отменили правило, согласно которому на судебном процессе судебного разбирательства могло вестись не на русском языке, и сделали это потому, что в некоторых языках есть разница в грамматической форме описания того, что ты видел, и того, о чем ты слышал. И каково было суду, когда на вопрос «свидетелю» о том, говорил ли обвиняемый то-то и то-то, следовал ответ, буквально зна-

31. Товарищи его, увидев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему всё бывшее.
32. Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня;
33. не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?
34. И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга.
35. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его.

(Евангелие от Матфея, глава 18)

чивший «Да, мне сказали, что он это говорил». Кстати, в последующие времена то, что «свидетеля» не было на месте происшествия, уже ничего не значило. А ведь это нехорошо даже не с юридической, а с христианской точки зрения.

И вот дистанция между «приобрел ты брата своего», что значит, что вы примирились и по-прежнему испытываете друг к другу теплые чувства (как в псалме (Пс 54:15): *разделяли искренние беседы и ходили вместе в дом Божий*) — и «да будет он тебе, как язычник и мытарь». То есть как человек, с которым у тебя нет общих интересов, потому что мытари несправедливо обогащаются, а язычники ... есть язычники. Но ни о каком стирании с лица земли того, кто упорствует в своей вине против тебя, и речи нет.

Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе. Кажется бы, все просто и ясно: в сообществе верных, которое есть христианская Церковь, апостолы устанавливают правила, согласно которым она и будет существовать до конца времен, и эти правила соединят в одно целое Церковь земную и Церковь небесную. Хорошо бы в дальнейших размышлениях придерживаться именно этого простого основного понимания, не мудрствуя лукаво. И да будут нам вехой на пути этих размышлений слова молитвы, которую священник читает при отпевании, освобождая усопше-

Все это складывается в неутешительную картину: отказываемся от Божьих даров, сохраняя собственные грехи. Да еще и жалуемся, чего это нас никто не любит.

го от «клятвы священнической», то есть от сурового приговора своего собрата. Потому что когда отверзаются Небеса, жизнь человеческая предстает в иной перспективе.

Как не мудрствует и прямодушный Петр, спрашивая о том, сколько раз — не семь ли? — прощать согрешившему против меня брату? На что Спаситель отвечает: *Не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз.*

Семь — число полноты, 70 — полнота сугубая, а 7х70 — практически абсолютная, хотя это и не 144 000 из Апокалипсиса, там полнота другая. То есть нам предписывается бесконечное терпение. Кажется бы, невыполнимо, но если настроиться... я это прошла на практике: простила тяжело прегрешившего своего автора именно потому, что увидела: он не в состоянии исправиться. Так не пропадать же человеку? Ну и притерпелась. Правда, особых надежд на него не возлагаю, но и ничего страшного.

И вот — грандиозная притча о прощении, о великодушии и мелочности, о роковом неумении меняться к лучшему, когда мир

вокруг тебя преобразуется чудом. И все это — образ Царства, которое нам открывает-ся, а мы упорствуем в его неприятии. Притча рассказывается Иисусом довольно странно, но в ней столько завораживающих деталей, что повторение ее никогда не станет излишним.

Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитать с рабами своими; когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его повелел продать его, и жену его, и детей, и всё, что он имел, и заплатить; тогда тот пал, и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и всё тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его, и долг простил ему.

Десять тысяч талантов — огромная, непредставимая сумма; в то время в Палестине это было скорее всего несколько меньше 50 кг серебра. Конечно, стоимость нескольких человек и их имущества вряд ли могла дотягивать до этой суммы, но их продажа имела бы скорее символическое значение уничтожения личности. А в общем-то довольно хорошую аналогию этой ситуации представляет отпущение грехов в таинстве Покаяния, потому что грехи наши безмерны, но милость Божия прощает. И далее:

Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, я всё отдам тебе. Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу; пока не отдаст долга. Товарищи его, увидев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему все бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли тебе помиловать товарища твоего, ибо и я помиловал тебя? И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Между тем сто динариев — это по аналогичному подсчету несколько меньше 500 г серебра. что и представимо, и возможно выплатить. Но как же нужно быть закрытым ко всему доброму, если и ослепительное великодушие не учит ничему, не вызывает ответного отклика в душе и желания тоже поступать благородно! А разве мало кто из нас, получив отпущение грехов, не начинает тотчас рассуждать о том, что прощать можно, а чего нельзя?

Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его. Нужно обратить внимание на то, что это говорится апостолам, — избранным, самым близким, самым верным. Но ведь наша здешняя жизнь такова, что, пока мы живы, мы можем надеяться на милость Божию, отпущение грехов и спасение, — но и согрешить и пасть тоже можем. Подниматься по ступеням совершенствования — долгий и тяжелый труд. Скатиться — гораздо легче и быстрее. **Ф.**